

Великая Отечественная война – особая страница в русской словесности. Эти пропахшие порохом, густо пропитанные кровью годы отозвались в литературе долгим эхом. Своё весомое, выстраданное и талантливое слово о самой страшной и жестокой из всех войн сказали сибирские поэты.

В первые же дни войны, 23 июня 1941 года, в обращении, напечатанном на страницах газеты «Советская Сибирь», они заявили: «Будем бить врага и штыком, и пером». Что и делали подчас в самом буквальном смысле. Прежде всего – поэты-фронтовики, воевавшие в составе сибирских дивизий. Многие пали смертью храбрых. Героическая же судьба некоторых из них отразилась в названиях улиц и даже становилась основой художественных произведений. Так произошло это с новосибирским поэтом **Борисом Богатковым**, чьё имя сегодня носит одна из центральных улиц Новосибирска и который явился прообразом главного героя известной поэмы А. Смердова «Пушкинские горы» Сергея Снежкова.

Писать стихи Б. Богатков начал рано. На юношеских его опытах ещё лежит отпечаток книжной романтики, наивности,

но проступает уже и предчувствие надвигающейся войны, а с ним начинает вызревать мотив готовности защищать Родину. С тех же пор, когда Б. Богаткова призвали в армию, Родина и война стали главной и единственной темой его поэзии.

Впрочем, то была не просто тема, а скорее заполнившее молодого поэта без остатка чувство, в котором поэт и гражданин, беззаветно любящий свою страну, слились воедино:

*Впереди – города пустые,  
Нераспаханные поля.  
Тяжко знать, что моя Россия –  
От того леска не моя...*

*Посмотрю на друзей-гвардейцев:  
Брови сдвинули, помрачнев.  
Как и мне, им сжимает сердце  
Справедливый священный гнев.*

*Поклялись мы, что встанем снова  
На родимые рубежи!  
И в минуты битвы суровой  
Нас, гвардейцев не утрашит.*

*Ливень пуль, сносящий пилотки,  
И оживший немецкий дзот...  
Только бы прозвучал короткий,  
Долгожданный приказ: «Вперёд!»*

Здесь весь Б. Богатков – цельный, целеустремлённый, ощущающий себя сыном великой Родины и братом воюющих за неё бойцов. Видимо, именно это чувство кровной сопричастности и помогло ему 11 августа 1943 года в критическую минуту, презирая «ливень пуль», поднять в боях за Гнездиловские высоты на Смоленском направлении свой поредевший

взвод в атаку песней собственного сочинения, которую уже успели полюбить в дивизии:

*Всё, гвардеец, в боях изведай:  
Холод, голод, смертельный риск,  
И героем вернись с победой  
В славный город Новосибирск.*

А вот как этот переломный и героический момент изобразил в своей поэме А. Смердов:

*Взлетела песня, и, казалось, стихли  
На взрытом поле огненные вихри...  
Взлетела птицей и затрепетала  
И обожгла солдатские сердца...  
  
И тем, кто страхом был к земле прикован,  
И даже тем, кто встать уже не мог —  
В сердца ударил песни звонкий ток.  
И подхватили песню на лету...*

В своей трагической, но и героической судьбе Б. Богатков, однако, не исключение. Он принадлежал к поколению «лобастых мальчиков невиданной революции», до срока внесённых «в смертные реляции», о которых другой поэт этой плеяды Николай Майоров (тоже погибший) сказал:

*Мы были высоки, русоволосы,  
Вы в книгах читаете, как миф,  
О людях, что ушли, не долюбив,  
Не докурив последней папиросы.*

Одним из самых талантливых среди них был уроженец Хакасии **Георгий Суворов**, погибший в феврале 1944 года при отражении танковой атаки. Как и Б. Богатков, писать он начал ещё до войны, но как поэт сформировался именно на

фронте. Стихи его, написанные на передовой, публикуют журналы «Ленинград», «Звезда», «Сибирские огни». Вынашивает он и план книги, которая под названием «Слово солдата» увидела свет уже после смерти поэта.

При чтении её обращаешь внимание на удивительную целостность мировосприятия поэта и его внутреннюю цельность. Долг, честь, мужество, верность – главные мотивы своеобразных стихотворных исповедей Г. Суворова. И вот ещё что характерно: трагизм жестокой войны не мешал ему быть оптимистом. Многие стихотворения поэта полны светлых надежд:

*Ещё война. Но мы упорно верим,  
Что будет день – мы выпьем боль до дна.  
Широкий мир нам вновь откроет двери,  
С рассветом новым встанет тишина.*

*Последний враг. Последний меткий выстрел.  
И первый проблеск утра, как стекло.  
Мой милый друг, а всё-таки как быстро,  
Как быстро наше время протекло.*

*В воспоминаньях мы тужить не будем.  
Зачем туманить грустью ясность дней.  
Свой добрый век мы прожили как люди.  
И для людей.*

Поэт, полной мерой хлебнувший ужас войны, в последних строках этого стихотворения произносит нечто, на первый взгляд, парадоксальное: «Свой добрый век...» Но если задуматься, то для поколения Богаткова и Суворова век действительно «добрый», ибо «лобастые мальчишки» отдавали себя до последней капли крови без всякого сомнения доброму и благородному делу – очищению родной земли от зла и скверны фашизма.

Процитированное выше стихотворение было написано Г. Суворовым всего за несколько дней до его гибели и оказалось пророческим. И не только для него одного. В чём нетрудно убедиться, читая стихи других поэтов-сибиряков, сложивших головы на полях сражений. В частности, **Евгения Березницкого**.

Е. Березницкий одним из первых сибирских поэтов ушёл добровольцем на фронт. Он уже был сложившимся литератором, писал для взрослых и детей, но война сразу властно вошла в его поэтическое сознание. И хотя стихов о войне у Е. Березницкого сохранилось мало, даже в том немногом можно услышать и почувствовать ненависть к врагу и жажду священной мести за поругание родной земли:

*За каждый колос опавший  
С твоих, отчизна, полей,  
За каждый волос упавший  
С головок наших детей,  
За стон от боли жестокой,  
Слетающий с братских губ,  
Оплатим мы око за око,  
Оплатим мы зуб за зуб...*

Жизненно ещё более зрелым человеком пришёл на войну Георгий Доронин, но, как и Богатков с Суворовым, настоящий поэтический голос обрёл он на фронтовых дорогах. От имени выдуманного им бойца Саши Сибирякова Г. Доронин вёл поэтическую летопись своей дивизии, где служил ответственным секретарём дивизионной газеты. Стихи и назывались соответственно: «Саша у огонька», «Саша идёт в атаку», «Саша сибиряков в бою за высоту» и так далее. Стихи капитана Доронина нередко печатались как листовки и передавались по цепи из рук в руки. Да, собственно, и автор

их – Г. Доронин – известен был очень немногим, зато Сашу Сибирякова знали хорошо. Здесь же, в дивизионной типографии, была издана единственная прижизненная книжка Г. Доронина под названием «Сыны великого народа». В ней всего полтора десятка страниц, но, поистине, каждая из них пахнет порохом. Жизненный и творческий путь Г. Доронина в один из летних дней 1943 года оборвала вражеская мина, но остался «венок героям» (так он иногда называл собранные в его книжке стихотворения), сплетённый из взволнованно-патетических строк, зовущих к победе:

*Мы помним трепетом объятый  
Восхода вымпел золотой.  
В наш сад в то утро враг проклятый  
Ступил кровавою пятой.*

*Лишь только пали злые тени  
Сквозь утра ясные лучи,  
Покинув мудрые селенья,  
Мы взяли ружья и мечи.*

*И клятву помня боевую,  
Мы шли, накапливая гнев.  
Шинель, пилотку фронтовую  
Красноармейскую надев.*

*За честь страны и за свободу,  
За вольный труд и край родной  
Сыны великого народа  
Ведут с врагами смертный бой...*

А вот в память о Константине Брянском, который погиб зимой 1942 года, осталась чистая, светлая, несмотря на дым военных пожарищ, лирика, каждая строка которой дышит любовью к родной земле, к дорогим и близким людям, надеждой на скорую с ними встречу:

*Ты ждёшь меня,  
Ты ждёшь издалека  
В дому родном,  
Где всё мне так знакомо.  
Из окон виден  
Розовый закат,  
В углу кровать,  
Ковёр с рисунком дома.  
Проходят дни,  
Проходят вечера.  
И где бы ни был я,  
За той войною,  
Когда-нибудь  
Вот так же, как теперь,  
Ты будешь ждать,  
Надеясь терпеливо,  
А в этот миг  
Тихонько скрипнет дверь.  
И я войду,  
Усталый и счастливый,  
И радость тихая вернётся в дом опять...*

Лейтенант **Владимир Чугунов**, погибший в июле 1943 года на Курской дуге, писал в своих стихах как о подвигах воюющего фронта, так и о «гвардейцах тыла», которые самоотверженным трудом помогали громить врага. Поэт убедительно доказывал, что это звенья одной цепи, ведущей к победе и миру.

У поэтов фронтового призыва было чрезвычайно развито предчувствие близкой, на каждом шагу подкарауливающей смерти. В. Чугунов не являлся в этом плане исключением. «С судьбой теперь плохие шутки. // Здесь очень просто умереть»,

– писал он в одном из стихотворений незадолго до гибели. Но вместе с тем он был убеждён, выражая, пожалуй, общее самочувствие фронтовых поэтов, что простота и лёгкость смерти на войне не должны рождать настроений безысходности и обречённости. «Так закон диктует в деле ратном: // умирая, всё-таки не трусь!» И здесь не напускное презрение к смерти, а глубокая вера в конечное торжество жизни над смертью, добра над злом.

*А завтра в бой!*

*Быть может, смерть*

*Свершит над кем-нибудь расправу.*

*Он упадёт на землю в травы,*

*Но жаворонки будут петь,*

*Цвести ромашки, незабудки*

*И многошумный лес шуметь ...*

«Лицом к лицу лица не увидать...» Поэты-сибиряки, сложившие головы на полях Великой Отечественной войны, опровергли эту известную есенинскую формулировку. Они-то как раз сразу постигли величие подвига народного и без колебаний заняли своё место в строю, чтобы бить врага «штыком и пером».

Активнейшее участие в создании героической летописи военных лет принимали не только те, кто непосредственно испытал на себе жестокий огонь сражений. Леонид Мартынов, Илья Мухачев, Елизавета Стюарт, Василий Федоров, Казимир Лисовский и ряд других сибирских поэтов в военных действиях не участвовали, но без них эту летопись представить вряд ли возможно.

Вообще следует заметить, что в годину тяжелейших для страны испытаний слаженно звучали голоса писателей всех поколений. И на творчество каждого из них война наложила свой неизгладимый отпечаток.



Так, к примеру, писатель и учёный Пётр Драверт, в предвоенные годы почти отошедший от литературы, в первые же дни фашистского нашествия берётся за перо и создаёт стихотворение «Разбить врага», каждая строчка которого – страстный призыв-обращение к своему народу.

А известный как автор исторических поэм Леонид Мартынов становится ещё и блестящим поэтом-публицистом. Хотя тема прошлого земли русской из его творчества тоже не исчезает. Только звучит теперь в тесном соотношении с днём настоящим. Показательно в этом отношении мартыновское стихотворение «Сыны Сибири». Прослеживая основные этапы русской истории, автор показывает, как велика была всегда роль Сибири в борьбе за независимость России. Нисколько не уменьшилась она и в борьбе с новым врагом:

*...Вот вновь ты шлешь свои полки  
На запад. И сыны Сибири  
Известны всюду как стрелки  
Искуснейшие в целом мире.  
Здесь, под полярною звездой,  
Владеем вольным мы простором.  
Мы бились в Азии с ордой,  
Мы под Москвой сражались с Вором.  
Идём мы снова, на врага,  
Чтоб ни один тевтон не спасся.  
Пусть знает «северная раса»,  
Каков бывает жар Кузбасса,  
Каких сынов родит тайга!*

Тема многострадального нашего прошлого и значение Сибири в исторической судьбе России в сибирской поэзии военных лет переживает второе рождение. Очень точно, лаконично, ёмко и образно высказался по этому поводу в

коротком стихотворении «Сибирь» совсем ещё молодой тогда Василий Фёдоров:

*Учитель через много лет  
Вопрос прочтёт на детских лицах:  
Как обновлялся Старый свет  
В своих изломанных границах?*

*Чем наша Родина жила?  
Кому судьбу свою вверяла?  
И где тогда Сибирь была –  
Всё там же, за хребтом Урала?*

*И давней битвы рваный след  
Спокойно обведя рукою,  
Он скажет:  
В дни народных бед  
Сибирь стояла под Москвою.*

Среди произведений, посвящённых прошлому, но обращённых и к настоящему, следует назвать и поэму красноярского поэта Игнатия Рождественского «Стражи Мангазеи» об отважных русских землепроходцах, основавших на сибирском Севере легендарный город – торговый и пограничный форпост России. Замысел произведения подчёркнут эпиграфом, взятым из царского указа 1619 года, в котором, в частности, говорится: «...велели учинить наказ крепкий, чтобы немецких людей на Енисей и в Мангазею некоторыми мерами не пропускали». Под «немецкими людьми» подразумевались охотники до сибирских богатств иностранцы. Но в годы Великой Отечественной войны словосочетание это ассоциировалось уже непосредственно с теми, кто пришёл с мечом на землю русскую. А потому образы казаков и стрельцов, защищавших Мангазею от иноземных посягательств, были созвучны грозной атмосфере Великой Отечественной войны.

«Не царями отечество держится – нами», – говорит главный герой поэмы И. Рождественского стрелец Гурьян, но слова эти вслед за ним могли бы повторить миллионы россиян, не жалевших ни сил, ни жизни для победы над врагом. И не только на фронте, но и в тылу. Поэтому не случайно в произведениях поэтов Сибири одной из ведущих стала тема единства Фронта и тыла. В частности, Илья Мухачев в «Письмах к другу» пишет:

*И, может быть, те самые снаряды,  
Что выпускаешь ты сейчас в бандитов,  
У нас же на заводе все отлиты  
Из той руды, которая добыта  
Вот здесь...*

И даже снарядные ящики, продолжает лирический герой этого стихотворения, «быть может, пахнут смолью тёмно-корых и зелёнохвойных наших сосен». С Мухачевым перекликается Л. Мартынов в стихотворении «Глубокий тыл»:

*Глубокого тыла  
Могучая тишь –  
Лес, горы и ясные воды,  
И всюду, куда только ни поглядишь, –  
Заводы, заводы, заводы!  
У немца нет тыла –  
У немца есть зад,  
Загрибок и зверское рыло.  
Лети же в то рыло, тяжёлый снаряд,  
Отсюда, из дальнего тыла.  
Сибирь в тот снаряд смертоносный заряд  
Рукою могучей вложила.  
Пускай, издыхая, почувствует, гад,  
Дыханье глубокого тыла!*

Связь фронта и тыла, как видим, тут не столько экономическая и материальная, сколько духовная. Народ, одинаково грозный в бою и в заводском цеху, нельзя победить. Неотъемлемой частью такого народа ощущали себя и поэты-сибиряки. Правда, выражали это по-разному. Одни – с эпической широтой и размахом, другие – с графической резкостью, третьи считали, что «о войне шёпотом говорить нельзя»...

Но были поэты, которым негромким своим голосом прекрасно удавалось донести до читателей накалённо-трагическую атмосферу освободительной народной войны. К ним, несомненно, принадлежала и Елизавета Стюарт, которая в самые горячие дни 1942 года писала:

*Всё испытай – лишенья и страданья.  
Запомни всё, чем эти дни полны.  
Пойми, что значит – ожидать свиданья,  
Отложенного до конца войны.*

*Пойми, что значит, если небо рухнет  
От взрывов над твоею головой.  
Узнай, что значит, если печь потухнет  
В пустом доме, где ты один живой.*

*Почувствуй тяжесть вымокшей шинели  
И жар в глазах на третью ночь без сна,  
Когда бойцы щепоть махорки делят  
И с ног, как пуля, валит тишина.*

*Пройди по развороченным дорогам,  
Чужое горе, как своё, измерь  
И руки друга павшего потрогай,  
Чтоб вновь и вновь возненавидеть смерть...*

В прекрасных стихотворных строках Е. Стюарт запечатлела для нас и уходящих на фронт бойцов-сибиряков, и «ход тан-

ков, врезанных в асфальт», и то, как «ползли орудия ночами по потрясённой мостовой», и дверь военкомата, отмеченную «толпою молчаливых жён»... Как признавалась сама поэтесса, вообще «тех дней мельчайшая подробность запоминалась навсегда». И – добавим – переплавлялась огнём поэтического чувства в стихи. Стихи же самой Е. Стюарт были живым поэтическим свидетельством эпохи, в котором сквозь дымы пожарищ, сквозь застывшее глаза и сердце горе пробивалась неистребимая воля к жизни и вера в несокрушимую силу советского народа:

*Как нелегко молчать заставить память.  
А возвратясь,  
На пепле и золе  
Вновь заложить тот самый первый камень,  
Что всех прочнее ляжет на земле.  
Как нелегко, все сосчитав могилы,  
Не умереть от горя самому.  
Как нелегко!..  
Но это всё под силу  
Прекрасному народу моему.*

И этот голос веры был созвучен всей тональности советской литературы военной поры.

Особое место в поэзии Сибири, посвящённой Великой Отечественной войне, принадлежит тем её представителям, кто «с боями прошёл пол-Европы» (И. Ветлугин), выжил и вернулся победителем. В отличие от собратьев-коллег, судьба предоставила им возможность художественно осмыслить и донести правду о Великой Отечественной войне до новых читательских поколений.

Александр Смердов, Леонид Решетников, Николай Перевалов, Иван Ветлугин, Марк Юдалевич, Иван Краснов, Михаил

Небогатов, Евгений Павличенко, Леонид Чикин... – всем им пришлось пройти с боями не одну сотню километров фронтовых дорог, и совершенно естественно, что дороги эти на первых порах диктовали поэтам строку и чувство, а нередко задавали их стихам и необходимый ритм:

*Четвёртый день...*

*Нет, мы не дни считали –*

*В дыму кромешном,*

*в тяжком лязге стали,*

*Четвёртый день мы шли вперёд, вперёд*

*И только вёрстам точный знали счёт.*

*Мы шли вослед грозе артиллерийской,*

*То отдалённой, то паляще близкой, –*

*Она и днём и ночью бушевала,*

*Катясь на запад многовёрстным валом,*

*И ослепляла – в небе пролетая*

*Метеоритов огненною стаей,*

*И оглушала – всё окрест заполнив*

*Железным рёвом,*

*треском белых молний...*

*За танками по опалённым травам,*

*В лесных завалах, по болотам ржавым,*

*Сквозь чад и жар горящих деревень*

*Мы шли вперёд, вперёд – четвёртый день.*

*И только вёрстам точный счёт вели*

*Освобождённой из ярма земли,*

*Перед которой были мы в долгу –*

*На целый год отдав её врагу...*

Так начинается поэма А. Смердова «Пушкинские горы». И этот размеренно-торжественный ритм интонационно точно соответствует неумолчному гулу военной техники, неотвраща-

тимому и необратимому движению наступающих воинских колонн.

Но эти дышащие страстным напряжённым лиризмом строки отражали атмосферу середины 1942 года, когда в Великой Отечественной войне произошёл перелом и наша армия начала первое крупное наступление. А на полгода раньше, молодой вятский парнишка Леонид Решетников, ставший впоследствии известным сибирским поэтом, в стихотворении «Декабрь под Москвой» писал:

*Мы шли по разбомблённой автостраде  
От Дорохова  
На восток, Москве –  
Остатки нашей танковой засады:  
Два танка уцелевших – в голове  
И два десятка пехотинцев – сзади.  
И колыхалось в черноте ночной  
Ночных пожаров зарево над нами.  
И груз вины качался за плечами  
И грозный враг катился за спиной.  
А от Москвы  
На запад  
Шли и шли  
Солдаты в полушубках, рукавицах,  
Спокойны и чуть-чуть широколицы.  
И лыжный след их пропал вдали.  
Лишь скрип ремней да лыж в морозном мире  
Катился...  
И я не подозревал,  
Что это час победы вызревал,  
Пришедший из глубин седой Сибири.*

В отличие от смердовской поэмы, здесь ещё только предощущение будущего перелома. Но тот же ощущается страст-

но-проникновенный лиризм, смыкающийся с патетикой, та же эмоциональная напряжённость каждого слова. В поэзии военных лет (поэты-сибиряки – не исключение) трудно выделить какое-то одно доминирующее (скажем, чисто лирическое) звучание или тематическое направление. Каждое поэтическое произведение той поры обычно являло собой единство патриотических, гражданственных, семейно-бытовых, интимных и прочих других мотивов. И это вполне закономерно, поскольку дорога к мирному бытию, простому человеческому счастью шла тогда через огонь войны.

У Смердова есть стихотворный цикл под общим примечательным названием «Письма с передовой». И обстановка и чувства в них переданы реально, зримо:

*...Ночь. Блиндаж. Не спал давно я.  
Я б заплакать мог,  
Если бы сейчас со мною побыла часок.*

Однако ж эти глубоко личные, на первый взгляд, воспоминания и переживания становятся для лирического героя А. Смердова источником силы, стойкости и оптимизма:

*И не нас – врага пусть давит  
смертная доска,  
Пусть его завять заставит  
чёрная тоска.  
Пусть уж он боится смерти  
на пути своём...  
Мы, родная, всё на свете,  
всё переживём.*

Характерной особенностью поэзии военных лет была её почти документальная точность, репортажность, «дневниковость». Не случайно под многими стихотворениями той



поры стоит не только дата написания, но и место. К примеру: Дорохово на Можайском шоссе. Декабрь 1941 года. Или – Прохоровка, 1942 год. А иной раз дата написания дополнялась названием войскового соединения, где служил автор – Прибалтийский фронт, 1943 год... Да и содержание стихов никак не расходилось с их формой: писали фронтовые поэты о том, чем жили сами и их товарищи – об очередной атаке, об умершем рядом на твоих глазах друге, о бойцах, отдыхающих после боя... Короче говоря, содержанием стихов тех лет стала сама война во всех её проявлениях, сюжет которой был чрезвычайно изменчив и непредсказуем.

При немалом разнообразии форм и жанров большое распространение в поэзии военных лет получили стихотворные циклы со сквозным центральным персонажем – смелым, находчивым, удачливым бойцом, умеющим с честью выйти из любых передряг. На ум, конечно, сразу же приходит незабвенный Василий Теркин А. Твардовского. Но были у него свои литературные братья и у поэтов-сибиряков: у А. Смердова – Тарас Клинков, у М. Юдалевича – старшина Иван Боёк, (про Сашу Сибирякова Г. Доронина выше мы уже говорили). В такой своеобразной художественно-публицистической форме поэты откликались на события текущей фронтовой жизни. Написанные с юмором, в живой, образной разговорной манере, эти «книжки про бойца» имели у наших воинов большой успех. Более того, многие солдаты на передовой искренне верили в существование этих вымышленных литературных героев, писали им письма со словами благодарности, просьбами, пожеланиями, обращались за советами. Рождённый в первые же годы войны образ воина, духовно слитного со своим народом, готового жизнь положить ради спасения и защиты родной земли, прочно вошёл в русскую, в том числе и сибирскую поэзию. Другое дело, что и образ этот, и вообще

взгляд на войну со временем менялись, а точнее становились более глубокими и объёмными. Исчезала поверхностность, сиюминутность, приходило на смену умудрённое жестоким фронтовым опытом осмысление.

«На исходном рубеже атаки // Нету слов «позднее» и «потом», – заявил в одном из стихотворений Иван Ветлугин. «Нету», потому что «на исходном рубеже атаки вся отчизна нынче залегла» и судьбу не отложить на «потом»: быть или не быть решается сейчас.

Однако в поэзии, как бы ни приближала она нас к жизни, существуют и «позднее», и «потом». И есть здесь уже другая, обратно пропорциональная связь: чем дальше отстраняешься, тем лучше видно. А потому тот же И. Ветлугин на своего сверстника-бойца (см. стихотворение «Сверстнику») в 1945 году смотрит уже несколько иначе, нежели в 1941-м. Пройденная с боями дистанция не могла не сказаться:

*Нам порою дают за тридцать  
по лучистым морщинкам у глаз.  
Что поделаешь, если лица  
в двадцать три постарели у нас.*

*Горе было таким тяжёлым,  
только вспомни – захватит дух.*

*Шло оно по цветущим сёлам,  
превращая девчат в старух.*

*Чтобы девушки не поседели,  
чтобы жили они не скорбя,  
в двадцать лет мы надели шинели,  
горе приняли на себя.*

Воин-герой, сначала защитник земли русской, а потом и освободитель был в центре поэзии 40-х годов. Но в создании

обобщённого его образа таилась и определённая опасность: нередко под пером некоторых авторов он бронзовел или окаменевал настолько, что терял совершенно живые человеческие черты. Наверное, именно этот «перегиб» имел в виду Леонид Решетников, создавая своё стихотворение «Герой». Его лирический герой смотрит на мемориальный монумент солдату-победителю и в его памяти возникает совсем другой образ – куда более обыденный и приземлённый:

*И он мне видится иначе,  
Нескладен, угловат и тих,  
Он был не то чтобы  
невзрачен,  
Но не отличен от других.*

Но как раз этот, внешне не видный солдат, который «и пуле кланялся, бывало», в решающую минуту был по-настоящему «красив, отважен и велик». И в своём не помпезном, неброском величии русский солдат был не одинок. О чём и напоминает в стихотворении, посвящённом фронтовым медсёстрам, Николай Перевалов:

*Сестрички русские,  
косички русые,  
а мы безногие,  
а мы безусые.  
А мы бывалые,  
с глазами впалыми,  
двадцатилетние,  
навек усталые.  
над снами нашими  
ночей не спавшие,  
роднее матери  
порой бывавшие,*

*какой вам памятник  
воздвигнуть в памяти –  
вам, беззаветные,  
вам, милосердные!..*

Память о тех, о ком «на всю планету обелиски бессонным голосом кричат», станет для поэтов-фронтовиков поистине неистребимой.

Она, как старый, засевший под сердцем осколок, с возрастом не только не исчезает, но и даёт о себе знать всё сильнее. Память эта – ещё и своеобразный камертон, по которому поэты-фронтовики сверяли как собственную жизнь, так и дела и поступки своих современников. Наконец, она – связующая поколения преемственная нить. Вспоминая «об ушедших учителях», Леонид Решетников писал, что они, «словно мамонтовы кости... пройдут сквозь лет редут и к нам, оставшимся, не в гости – к себе домой не раз придут», что «их вера, мера, их уроки и нынче – наш боезапас».

Но есть в этой светлой памяти горький привкус вины перед погибшими. Особенно перед теми, кто принял на себя самый первый и самый тяжёлый удар:

*Пусть у войны на срок любой права  
суровы.*

*Но не будем притворяться, –  
Та истина жестока и права:*

*Как страшно первым под огнём подняться!*

*Ещё страшней и горше знать о том,*

*Какого б ни был званья или ранга,*

*Что ты – один, без тыла и без фланга, –*

*И где там – фронта линия, где дом?..*

*Вот отчего, когда горнист, как вестник*

*Торжеств народных, горн к губам несёт, –*

*Прости меня, мой фронтовой ровесник,  
Я вспоминаю 41-й год.*

41-й год сибирские поэты фронтового поколения вспоминают ещё по одной важной причине: каким бы тяжёлым и трагичным он ни был, но именно к его исходу, с появлением под Москвой сибирских дивизий, наконец-то наступил перелом – затяжное, с самого начала войны отступление прекратилось, и гитлеровские войска впервые получили решительный отпор. Сибирские полки стали надёжным заслоном для столицы. А в дальнейшем они покрыли себя неувядаемой ратной славой. И как тут не вспомнить хорошо известное стихотворение Ивана Краснова:

*В Сибири не было войны,  
Но бесконечны павших списки.  
В Сибири не было войны,  
Но в каждом паркеobeliski.*

*Сибирь, кормившая страну,  
Ждала нас, мучась и печалась.  
Из ста ушедших на войну  
Всего лишь трое возвращались.*

*В Сибири не было войны,  
Но ширилась Сибирь полками,  
И лучших воинов страны  
С тех пор зовут сибиряками.*

С декабря 1941 года маятник Великой Отечественной войны, стремительно двигавшийся на восток, приостановился. Но впереди были Сталинград и Прохоровка... И – ещё почти четыре года кровопролитной эпопеи, которая не закончилась, как известно, даже с падением Берлина, и в августе 45-го её огонь с запада перекинется на Дальний Восток.

Этот радостный, но и одновременно драматичный момент, когда победа в битве с одним врагом становится как бы исходной точкой в борьбе с другим, хорошо отразил поэт Леонид Чикин в стихотворении «В день Победы»:

*Война кончается.*

*Дымится*

*Берлин*

*и корчится в огне...*

*Наш поезд мчится, мчится, мчится  
по забайкальской стороне.*

*Война, бои, походы, слава  
и с гимнастёрок блеск наград...*

*А нас от той войны кровавой*

*Везли который день подряд.*

*Туннели, сопки, речки, хаты.*

*И стон колёс, и рельсов звон.*

*Так – восемь дней.*

*А на девятый –*

*Хабаровск...*

*Воинский перрон*

*забит ликующим народом,*

*над ним – не выцветший кумач,*

*что берегли четыре года,*

*и чей-то смех, и чей-то плач.*

*И, понимая наши взгляды, –*

*мол, что за смех и праздник тут? –*

*кричал калека нам:*

*– Ребята! Ребятюшки!*

*Войне капут!*

*Победа?*

*Слышите, славяне?*

*А завтра праздник – пей и пой...  
Но в день Победы утром ранним -  
«Равняйся!» –  
и замер строгий строй.  
И тихо, будто по секрету,  
сказал нам замполит полка,  
что это лишь одна победа,  
другая – впереди пока.*

Со времени победных залпов Великой Отечественной войны прошло 75 лет, но отзвуки её доносятся до наших дней. По образному выражению того же И. Краснова, «нас ещё догоняют осколки, // Острозубые волки войны». Осколки эти уже основательно выкосили ряды поэтов-фронтовиков. Один за другим они уходят от нас, но всем своим творчеством, точкой отсчёта которого была Великая Отечественная война, зывают ко всем, кто остался после них: «Любите жизнь, войну не забывайте, // Не забывайте, милые, про нас...»

Да и как забыть, если в мире за прошедшие десятилетия не стало спокойнее. За большой войной потянулась цепь малых и так называемых локальных военных конфликтов – от Вьетнама и Даманского до Таджикистана и Чечни. И вот уже новым поколениям приходится испытывать на себе все «прелести» боевых действий. Только вот воинам нынешним морально, пожалуй, сложнее, чем их дедам, потому что они подчас толком и не знают против кого и за что воюют. А война... Большая она или малая, правая или неправая – всё равно это война – то есть боль, страх, преждевременная смерть, горе, грязь... И на любой войне достаточно одной пули, чтобы оборвать жизнь. Легко развязать войну, куда труднее остановить разогнавшуюся военную машину. И прямо-таки провидчески звучит сегодня стихотворение Николая Первалова «Полшага», написанное им несколько десятилетий назад:

*До войны – полшага,  
Как всегда, полшага.  
Полшага  
за чужую границу шагни –  
и война началась  
под призыв: «На врага!»,  
как всегда, начинались они.  
А до мира – дойти,  
если спущен курок,  
у цыганки узнай,  
у кукушки спроси,  
сколько лет, сколько зим,  
сколько страшных дорог  
в непролазной кровавой грязи.  
Это было не раз.  
Горький опыт велит.  
Ноют раны мои,  
завывает пурга!  
Не избыть, не забыть  
ни на час, ни на миг:  
полшага,  
как всегда, полшага!*

Почаще бы нам всем вспоминать эти мудрые строки. Может быть, тогда не приходилось бы лишний раз браться за оружие.

